

«УТВЕРЖДАЮ»
Проректор по научной работе
А. В. Кубышкин

« 30 » _____ 20__ г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации о научно-практической ценности диссертации
Королевой Веры Владимировны
«"Гофмановский комплекс" в русской литературе конца XIX –
начала XX веков», представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература**

Давно установлено, что русская литература конца XIX – начала XX века обладает несомненным и весьма ярким своеобразием. Понятно, что изучение этого своеобразия, его истоков, причин, преломлений в творчестве конкретных авторов столь же давно было выдвинуто в центр многочисленных литературоведческих исследований. Важнейшим их результатом явилось осознание того, что новое художественное мышление не могло возникнуть «ниоткуда», а сформировалось на почве широко спектра традиций, функционирующих в отечественной и мировой классике.

Одним из авторов, оказавших серьезнейшее воздействие на развитие литературного искусства рубежа веков, явился Э. Т. А. Гофман, поскольку русская литература той поры в своем принципиально новом – модернистском, в частности символистском, – «изводе» явно тяготела к романтическому мироощущению и соответствующим средствам его образно-поэтического выражения. Тем не менее роль немецкого писателя в становлении литературной «оптики» 1890–1910-х годов не получила надлежащего освещения. Эта роль в большей мере декларировалась, нежели изучалась, а если и рассматривалась, то лишь от случая к случаю: локально и спорадически. Исходя из сказанного, обращение В. В. Королевой к теме «Гофман и русская литература конца XIX – начала XX века» является вполне обоснованным и не может не вызвать одобрения.

Правомерным видится и выбор диссертантом материала исследования, его направленности и границ. Соискатель справедливо исходит из того, что опыт великого романтика усваивался русским символизмом не только непосредственно, через собственно гофмановский текст, но и опосредованно, через творчество русских авторов. Вот почему предметом рассмотрения

становится не только художественный поиск литераторов Серебряного века, но и их предшественников – писателей XIX столетия. Естественно, обобщение столь широкого и разнообразного комплекса источников потребовало разработки адекватной методологии и методики. Эта методология была смоделирована на основе как новейших, так и устоявшихся, но подтвердивших свою продуктивность концепций филологической науки.

Диссертантом освоен обширный пласт трудов по компаративистике, теории романтизма, проблемам художественной коммуникации (теории диалога, интертекстуальности), мифопоэтике и теории масштабных текстовых структур. В работе учтены идеи ведущих представителей отечественного литературоведения: М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, М. Л. Гаспарова, В. М. Жирмунского, В. Н. Топорова, А. И. Белецкого и др., – а также виднейших зарубежных ученых: Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Даррида, О. А. Ханзен-Лёве, Е. Фарино, Н. Фрая и др.

В полном соответствии с методологией работы находится ее аналитический аппарат. В своих размышлениях соискатель использует структурно-семантический, историко-функциональный, историко-генетический, типологический, интертекстуальный методы освещения литературно-эстетической реальности, при необходимости привлекает инструментарий биографического, дискурсивного, рецептивного осмысления изучаемых фактов. Хотя не все эти методы в диссертации поименованы, но на деле вполне удачно и умело использованы.

Однако в обосновании методики предпринятого исследования автором допущена явная неточность, связанная с ошибочной трактовкой историко-литературного и неомифологического *подходов* к материалу как *методов* его анализа. Приходится констатировать, что таковых *методов* в науке о литературе не существует, а синхронически-диахронический вектор научного обобщения, осмысление демонтажа традиционных архетипов в процессе вторичной мифологизации являют собой именно *подходы*.

В целом соглашаясь с выбором объекта исследования, кругом изучаемых литераторов XIX – начала XX столетия, вынуждены, однако, выразить недоумение по поводу включения сюда личности Леонида Андреева. Подчеркнем: в представленном диссертационном исследовании *по воле автора* акцентируется внимание на художественной практике русского символизма. А внутри этого течения, названного почему-то направлением, Андреев является фигурой чужеродной. Диссертант аргументирует обращение к этому писателю тем, что в его искусстве прослеживаются романтические тенденции. Однако следует напомнить, что сам Андреев не относил себя ни к романтикам, ни к модернистам. И хотя шутливо признавался, что «для декадентов» он «презренный реалист», а «для наследственных реалистов –

подозрительный символист», но собственный творческий метод однозначно определял как «реализм универсального психологизма». Современная же наука склонна видеть в Андрееве прежде всего неореалиста. С этой концепцией по работам С. А. и С. В. Тузковых знакома и В. В. Королева, однако она не учитывает, что в отечественном литературоведении существует как минимум четыре интерпретации неореализма. Наиболее убедительной представляется оценка данного явления как промежуточного между реализмом и модернизмом (в случае Андреева – экспрессионизмом). Именно этот факт и делает анализ исканий писателя необязательным в данной работе. Конечно, в его произведениях наличествует связь с Гофманом, однако она свидетельствует лишь о том, что воздействие последнего на русскую литературу носило универсальный характер.

Причиной, по которой мы заостряем внимание на данном, казалось бы, частном вопросе, является неоправданное изъятие из контекста исследования культовой фигуры русского символизма – Вячеслава Иванова. В. В. Королева сетует на то, что объем диссертации не позволил ей обратиться к наследию Иванова, чья «гофманиана», как известно, до сих пор не освещалась. А ведь направленность работы требует исчерпывающего анализа «гофмановского комплекса» именно в литературе символизма. Поэтому искания модерниста Иванова следовало бы рассмотреть монографически, а неореалиста Андреева ввести в общий поток, наряду с упомянутыми в работе эмоционалистом (согласно мнению И. Шатовой) М. Кузминым, акмеистом О. Мандельштамом и не упомянутыми, но не чуждыми Гофману имажинистом С. Есениным, футуристом В. Маяковским. Тогда удалось бы полнее представить «гофмановский комплекс» и в границах собственно символизма, и в границах иных течений обновленного искусства.

Автором диссертации справедливо подчеркнута сложность выделения гофмановских традиций в структуре произведений разной жанрово-родовой и стилевой принадлежности. Именно данное обстоятельство обусловило введение в научный аппарат работы так называемого «гофмановского комплекса». Однако четкого определения данной дефиниции В. В. Королевой не дается. Что именно подразумевается под категорией «комплекс»? Что он включает в себя? Специфически гофмановские темы? Мотивы? Идеи? Образы? Приемы? Из содержания работы следует, что этим термином обозначается вся совокупность названных явлений. А на странице 19 диссертации «комплекс» вообще предстает *объединением ряда текстов* на основе сходных идейно-художественных черт. Полагаем, в этом случае корректнее говорить об именном сверткесте Э. Т. А. Гофмана.

Вообще не до конца понятна диалектика понятий «гофмановский текст» и «гофмановский комплекс». В текст, согласно идее В. В. Королевой, входят

сочинения писателя на языке оригинала, переводы произведений Гофмана на русский язык, стилизации, аллюзии и цитаты, указывающие на присутствие Гофмана в художественной ткани произведений русских авторов. Кроме того, по мнению исследователя, «гофмановский текст» включает в себя: «1) реализацию элементов творческого метода Э. Т. А. Гофмана в различных литературных направлениях русской литературы (романтизм, реализм, символизм, неоромантизм и неореализм); 2) развитие форм литературного быта (возникновение литературных кружков, ориентированных на гофмановских «Серрапионовых братьев», игра в гофмановских персонажей, совместное чтение Э. Т. А. Гофмана в литературных кружках начала XX века, самоидентификация и идентификация русских писателей с образами литературных героев Э. Т. А. Гофмана, театрализация форм жизни и формирование театральной стилистики, ориентированной на немецкого писателя); 3) тематизацию проблематики Э. Т. А. Гофмана в русской литературе (механизация жизни и кукольность, манипулятивность сознания)» [с. 17–18 диссертации].

Однако в разных фрагментах диссертации устойчивые компоненты содержания и стиля (позиции 1 и 3), характерные для Гофмана, вводятся в границы «комплекса». Таким образом, возникает определенное смешение этих двух понятий, настоятельно требующих смысловой дифференциации. Если в духе современных концепций рассматривать жизнь как текст, то «развитие форм литературного быта» действительно следует ввести в границы «гофмановского текста». Но «реализацию элементов творческого метода Гофмана», поданных как его поэтические приемы («двойничество», «двоемирие», гипреболизация, гротеск, фантастика и т. п.), логичнее трактовать как элементы «гофмановского комплекса».

В ходе защиты диссертации хотелось бы прояснить соотношение этих двух базовых для данного исследования категорий и установить, чем именно является «комплекс»: структурно-семантическим ядром текста, формой его творческого существования, набором вполне определенных идейно-художественных качеств, функцией или чем-то иным? Нам взаимосвязь указанных феноменов представляется следующим образом. «Гофмановский текст» составляют произведения Гофмана и определенные формы литературного быта, в том числе игровые, выстроенные «под Гофмана». А «гофмановский комплекс» подразумевает константные содержательно-поэтические свойства этого текста, на основании которых и устанавливается близость того или иного автора к Гофману. Полагаем, что всё сказанное может явиться основой плодотворной дискуссии во время защиты рецензируемой диссертации.

Целями и задачами работы, ее методологией и методикой, авторскими интенциями диссертанта обусловлена структура исследования. Работа по традиции включает в себя три главы, разделенные на 14 параграфов. В главе *Первой* рассматривается формирование «гофмановского комплекса» в русской литературе XIX века. Данная глава свидетельствует о серьезной литературоведческой эрудиции соискателя, умении подчинять анализ разнородного историко-литературного материала поставленной цели.

Достаточно подробное освещение получило здесь освоение гофмановских открытий писателями 1820 – 1840-х годов, когда состоялось знакомство наших соотечественников с творчеством автора «Эликсиров дьявола». Обстоятельно охарактеризована рецепция гофмановской прозы в творчестве А. К. Толстого, доказательно отмечены сюжетные переклички, дублирующиеся ситуации, мотивно-образные совпадения, подтверждающие генетическое и типологическое родство обоих литераторов. Убедительно раскрыто влияние художественного наследия немецкого классика на толстовскую художественную систему. Однако хотелось бы узнать, по какой причине, детально анализируя в избранном аспекте драматическую поэму «Дон Жуан», повести «Упырь» и «Амена», В. В. Королева проходит мимо такого значимого в данном отношении текста, как «Семья вурдалака»?

К сожалению, в первом параграфе диссертации лишь вскользь упоминается вырастающий из традиций Гофмана цикл А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», осмысление которого добавило бы новых красок к интерпретации мотивов двойничества и кукольности русскими литераторами начала XIX века. Трактовка диссертантом повести А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения», вопреки мнению В. В. Королевой, представляется неточной: автор не «ставит под сомнение возможность полюбить куклу» [с. 37 диссертации] (его герой, восторженный романтик, оказывается вполне способен на это), а подчеркивает опасность для человека избыточной фантазии.

Стоило бы упомянуть и еще об одном прецеденте, показательном в плане освоения гофмановской традиции русскими писателями эпохи романтизма: в рамочной части повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия», упомянутой в работе, собравшееся общество обсуждает «Повелителя блох», а история главного героя становится ее своеобразным аналогом. Также В. В. Королёва оставляет без внимания и концепцию гофмановской так называемой «завуалированной» фантастики, предложенную Ю. В. Манном в его работах о творчестве Гоголя.

Думается, интересные наблюдения соискателя над рецепцией и трансформацией традиций Гофмана могли бы быть дополнены замечаниями о наличии гротесковых образов кукол-правителей в «Истории одного города»

М. Е. Салтыкова-Щедрина, об остросоциальном смысле мотива кукольности в сатирической хронике Н. С. Лескова «Смех и горе» и его романе «Чертовы куклы», где оригинально развивается гофмановская мысль об утрате человеком собственной сущности и превращении его в «безнатурного человека». Целесообразным было бы и обогащение материала исследования за счет анализа позднего творчества И. С. Тургенева – его мистических повестей «Сон», «Клара Милич» и особенно «Песнь торжествующей любви».

Впрочем, последние замечания имеют, скорее, характер пожеланий и свидетельствуют о внутреннем потенциале рецензируемой работы.

Во *Второй* – наиболее капитальной – главе исследования развивается мысль о том, что «гофмановский комплекс» становится «устойчивым элементом поэтики символистов» [с. 89 диссертации], которые не просто воспроизводят его в своих произведениях, но и переосмысливают, трансформируют. В этом аспекте анализу подвергаются произведения В. Я. Брюсова, Андрея Белого, Д. С. Мережковского, Ф. К. Сологуба. Как правило, они являются хорошо изученными, однако диссертанту удастся вскрыть и по-своему интерпретировать новые нюансы в их образно-семантическом наполнении. В качестве главных тенденций воплощения «гофмановского комплекса» артикулируется:

а) отражение процессов «мифологизации исторического имени», механизации человека и культуры;

б) воссоздание особого типа романтического двоемирия и новых вариантов двойнических отношений;

в) новаторская реализация мистических, в том числе демонических, мотивов; диффузия реального и ирреального в обрисовке пороговых жизненных ситуаций; перекодировка «живого» и «неживого»;

г) обогащение художественного арсенала фантастики, гротеска, романтической иронии; приемов игры с чужим текстом; использование гиперболизации в подходе к героям и обстоятельствам;

д) активизация в структуре повествования принципов зеркальности, деформаций пространства и времени.

Все эти положения диссертантом должны образом проиллюстрированы и аргументированы. Вместе с тем и во *Втором* разделе работы автору не удалось избежать формально-логических противоречий. Так, анализируя роман Д. С. Мережковского «Воскресшие боги», В. В. Королева приходит к выводу, что «образ Леонардо у русского писателя, как и у Гофмана, отличается цельностью и законченностью, он воплощение "синтеза", гармонии личности» [с. 92 диссертации]. А чуть ниже утверждает, что «искажение христианства <...> привело к утрате цельности личности...» [там же]. Но в том-то и дело, что процесс раздвоения захватывает у Мережковского не

столько «дюжинных, заурядных людей», сколько натуры исключительные, выдающиеся. Об этом свидетельствуют все романы-трилогии «Христос и Антихрист», первый из которых, «Смерть богов. (Юлиан Отступник)», напрасно проигнорирован соискателем. Он тоже содержит в себе элементы «гофмановского комплекса», хотя, может быть, не в столь заостренном виде, как разбираемый текст. Тем более было бы интересно реконструировать ход развития и обогащения изучаемого феномена в рамках художественного мира одного писателя. Что касается образа Леонардо да Винчи, то у Мережковского герой принципиально многолик. В нем сосуществуют христианские достоинства и демоническое своеволие, противостоят влечения к религиозно-этическим и внеморальным ценностям. Путей преодоления внутренней «расколотости» Мережковскому не удалось «разведать» ни в своей первой, ни в последующей трилогии «Царство Зверя».

Еще одно замечание связано с романом Андрея Белого «Петербург». (К слову, заметим, что сокращение имени, входящего в псевдоним, а значит, обладающего дополнительной смысловой нагрузкой, до инициала «А.» – некорректно.) В. В. Королева утверждает, что в конфликте сенатора Аблеухова и Николая Аполлоновича воспроизводится «миф об Отце, пославшем Сына на страдание и мученичество» [с. 146 диссертации]. Но ведь именно сын, а отнюдь не отец, пусть и под давлением террористов, готов уничтожить своего родителя. Следовательно, если отыскивать библейские аллюзии в тексте романа, то тогда уже нужно рассуждать об истории блудного сына. Тем более, Николай Аполлонович в финале произведения обращается к трудам Г. С. Сковороды, который в качестве спасительного для человека утверждал путь нравственного самосовершенствования. Но ведь именно этот путь, наряду с искренним покаянием, в конце концов и принимает блудный сын. Оним «Николай Аполлонович», по мнению исследователя, коррелирует с антропонимом его отца, что будто бы указывает на их «единство». Но опять-таки, о каком «единстве» может идти речь, если в лице одного изображен потенциальный убийца, а в лице другого – возможная, хотя и малосимпатичная жертва. Весь текст романа «Петербург» объективно свидетельствует, что, решая проблему двойственности, автор апеллирует прежде всего к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». И поэтоним «Николай», и портретная характеристика его носителя, и образ его шутовского в ряде случаев поведения явно указывают на литературный прототип – Николая Ставрогина. А это позволяет понять: концепция двойственности и образ двойника складывались у символистов в первую очередь под влиянием отечественного и лишь во вторую – немецкого классика. Двойственность героев Достоевского – либо социально-психологическое (в раннем творчестве), либо родовое, онтологическое (в великом пятикнижии) качество

падшего человека. Именно в таком ракурсе решают проблему двойничества русские символисты. Формы же художественной презентации «расщепленного» сознания они явно заимствуют у Гофмана. Но даже Недотыкомка Сологуба – не просто иронический двойник Передонова, не только порождение его больной фантазии, а исчадие ада, реальный бес, который берет власть над духовно незащищенной, ущербной личностью.

В главе *Третьей* исследуются проявления «гофмановского комплекса» в драматургии и театральной практике русского символизма. В связи с этим рассматриваются концепции театра, выдвинутые в начале XX столетия: теория «театра-храма» Андрея Белого, «соборного театра» Вяч. Иванова, «театра одной воли» Ф. Сологуба, «театра для себя» Н. Н. Евреинова. Скрупулезному анализу подвергаются пьесы-шутки Вл. Соловьева «Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт»; драмы А. Блока «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка», «Песня судьбы», «Роза и Крест»; пьесы Л. Андреева «Жизнь Человека», «Черные маски» и «Царь-голод». В итоге устанавливается, что «гофмановский комплекс» в новой драме сказывается в:

- а) заострении проблемы «механизации», «театрализации», «карнавализации» жизни;
- б) постоянной концентрации внимания на лейтмотиве «двойничества»;
- в) оригинальном использовании образов-символов маски, куклы, марионетки, автомата;
- г) акцентуации бинарных оппозиций «свет–тьма», «добро–зло», «подлинное–мнимое».

Свежо, нетривиально раскрываются природа и формы комического в драмах Соловьева и Блока: введение высокого романтического образа в иронический контекст, оксюморонность и буффонадность художественных деталей, пародирование поэтических штампов романтизма. Но особенно основательно рассмотрена идея синтеза искусств, реализованная как в репертуаре, так и в постановках русского театра той поры. Поэтому вполне оправданным представляется введение в границы главы параграфа, посвященного сценическим опытам создателя условного театра В. Э. Мейерхольда.

Но все же и в данной главе присутствует избыточная, необязательная информация. Имеем в виду тот подраздел, который посвящен лирике и литературно-критическим «штудиям» Андрея Белого. Если реконструировать «гофмановский комплекс» в лирических произведениях, то тогда почему в этом плане обойдены вниманием Блок и Сологуб? Работу Белого «Символизм как миропонимание» целесообразнее было бы рассмотреть во водной части диссертации, поскольку именно там развивается мысль о символизме как неоромантизме. С другой стороны, почему, проигнорировав драматургию

Сологуба, столь же значимого в символизме, как Вяч. Иванов, автор рассуждает в главе не только о драматургии, но и о прозе Андреева, хотя раздел именуется «"Гофмановский комплекс" в поэзии и драме рубежа XIX–XX веков»? Кстати, следует напомнить, что в своих теоретических и художественных опытах Андреев развивал идеи «неореалистического» театра и театра «панпсихэ», тем самым отделяя их от символистской драмы. Во время процедуры защиты хотелось бы услышать мнение В. В. Королевой о том, к какой именно ветви андреевской драматургии принадлежат анализируемые пьесы этого автора.

При всех несомненных достоинствах анализа сложного драматургического материала, проделанного соискателем, глава в целом выглядит структурированной излишне вольно. Понятно, что диссертанту хочется объять необъятное, но все-таки в работе такого плана неизбежно приходится чем-то жертвовать.

Итак, подведем итоги экспертизы диссертации В. В. Королевой.

1. Актуальность и научная новизна работы определяются продуктивной исходной установкой автора на признание преемственной связи романтизма и символизма как эстетических парадигм, функционирующих в разное время, но обладающих родственной идеологией и сходным комплексом художественных признаков. Именно такое восприятие литературного процесса, представление о близости двух названных систем, сознательном усвоении традиций немецкого романтизма русской литературой начала XX века обуславливает верное понимание путей формирования символистского художественного сознания.

2. Диссертантом выявляется идейно-тематическое единство образов, мотивов и стилистических приемов в прозе, лирике и драме символистов, а также в театральной практике конца XIX – начала XX века, восходящих к Гофману через посредство русской классики. Такая исследовательская стратегия позволяет не только проанализировать функционирование и трансформацию «гофмановского комплекса» в художественном наследии модернизма, но и продемонстрировать воздействие немецкого романтика на развитие отечественной литературы и культуры предшествующего периода.

3. В ходе анализа избранной проблемы В. В. Королевой успешно реконструированы многообразные формы влияния художественных исканий Гофмана на эстетику и стилистику русского романтизма в целом, а также на процессы освоения его творческого опыта в рамках индивидуальных художественных систем. Это позволяет обогатить, дополнить, скорректировать существующие представления о механизме действия литературной традиции, способах ее поэтической актуализации в широком пространстве словесного искусства.

Все вышесказанное по пунктам 1, 2, 3 надлежит признать научно значимым итогом проведенного исследования.

Однако, как и всякая интересная работа, диссертация В. В. Королевой не свободна от недостатков. Обобщим некоторые из них.

1. В исследовании отсутствует убедительное разграничение стержневых для него понятий «гофмановский текст» и «гофмановский комплекс», что в ряде случаев приводит к их отождествлению.

2. В едином смысловом ряду рассматриваются концептуальные опоры «гофмановского комплекса» и его образно-поэтические составляющие, формы художественной ретрансляции. А это нередко влечет за собой недооценку или, напротив, переоценку одних компонентов в сравнении с другими. Так, двоемирие – краеугольный принцип романтического мироощущения – неоправданно квалифицируется как мотив [с. 19 диссертации]. Мифологизация – магистральная стратегическая установка романтиков – низводится до уровня стилистического приема [с. 23 диссертации].

3. В работе наличествуют не вполне точные трактовки отдельных произведений (повесть А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения», роман Д. С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», роман Андрея Белого «Петербург»). Цитация ряда литературно-критических и художественных источников не всегда производится по полным собраниям сочинений (работы В. Г. Белинского, произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Текст повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» в одном абзаце приводится по двум разным изданиям).

4. В оформлении текста диссертации встречаются недочеты технического плана: досадные, хотя и немногочисленные оговорки (фамилия главного героя гоголевских «Записок сумасшедшего» не Пискарев, а Поприщин [с. 34 диссертации]; «Живописец» Н. А. Полевого – не роман [с. 40], а рассказ); неточности в падежных окончаниях (мужские фамилии Бэлза и Станкевич склоняются [с. 10, 30 диссертации]); опечатки (с. 17 <...> с. 73).

Тем не менее, замечания, отмеченные в основной части отзыва и его заключении, не влияют на общую положительную оценку работы В. В. Королевой. Писалась эта работа в течение 13 лет и прошла серьезную апробацию на конференциях разного уровня. Результаты исследования отражены в 42 статьях, 16 из которых опубликованы в журналах, зарегистрированных ВАК РФ. По материалам диссертации издана монография, получившая необходимые рекомендации и одобрение специалистов. Автореферат в полной мере соответствует концептуальным положениям исследования.

Диссертация «"Гофмановский комплекс" в русской литературе конца XIX – начала XX веков» соответствует паспорту специальности 10.01.01 –

Русская литература (п.п. 4, 9, 18, 19) и требованиям, предъявляемым к работам на соискание ученой степени доктора наук (п.п. 9 – 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 28.08.2017 г.)). Автор диссертации Королева Вера Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», протокол № 5 от 30 июня 2020 года.

Отзыв подготовил:

профессор кафедры русской и зарубежной литературы
факультета славянской филологии и журналистики
Таврической академии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
доктор филологических наук, доцент

Александрова И. В.

Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы
Таврической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»,
доктор филологических наук, доцент

Курьянов С.О.

Подпись

удостоверяю

Подпись

удостоверяю

Контактная информация:

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес: проспект Академика Вернадского, 4,
г. Симферополь, 295007

Тел.: +7(3652) 54-50-36

E-mail: cf_university@mail.ru

